

19 июня 1989 года. — Но дядя, куда же мне идти? — голос мальчика, тонкий, как звон хрусталя, дрожал от жалобы. Лицо толстяка, застывшее в гримасе гнева, побагровело. — Мне все равно, маленький уродец! — рявкнул он. — Я просто хочу, чтобы ты убрался из этого дома задолго до приезда Говардов. Счет Болсона слишком важен, чтобы рисковать, даже запихивая тебя в шкаф. А теперь убирайся! Крошечный мальчик, хрупкий, словно тростинка, вздрогнул от грозного вида дяди и выскочил за дверь. Дядя бил его нечасто, но лучше было не рисковать. Одного раза в травмпункте из-за сломанной руки хватило и для мальчика, и для мужчины. Мужчина не хотел задавать лишних вопросов об источнике травм мальчика, а мальчик не хотел об этом говорить. Так что теперь мужчина полагался исключительно на эмоциональное и словесное насилие, приправленное скудным питанием. В большинстве случаев физическая боль переносилась легче. Парк, погруженный в густую тьму, встретил маленького Гарри Поттера мрачной тишиной. Солнце давно скрылось за горизонтом, уступив место луне, которая заливала все вокруг тусклым, серым светом. Ни звука машин, ни голосов людей, ни шелеста листьев — только скрип качелей, качающихся взад-вперед, нарушал безмолвную тишину. Гарри сидел на них, погруженный в свои мрачные мысли. Он старался быть хорошим мальчиком, заслужить любовь и одобрение тети и дяди, но все было тщетно. Его называли "обманщиком" за хорошие оценки, "хулиганом" и "задирой" за проступки кузена Дадли. Никто не видел, чтобы Гарри сделал что-то плохое, но охотно верили любой лжи, которую распространяли о нем родственники. Гарри не знал, что причина такого отношения к нему — невидимая защита, наложенная на него матерью и запечатанная, когда его отправили жить к тете. Она должна была оградить его от магических существ с злыми намерениями, особенно от того, кто вызвал эту защиту — Темного Лорда Волан-де-Морта. Ее создала Лили Поттер, а активировало Убийственное проклятие самого могущественного волшебника за почти тысячелетие. Защита действовала как невидимый щит, противостоящий Темному Лорду и его последователям до тех пор, пока в Гарри текла кровь его матери. Пока он находился в доме тети, Волан-де-Морт и его Пожиратели смерти не могли даже приблизиться к дому. Вдали от дома защита по-прежнему давала ему преимущество, делая его прикосновение смертельно опасным для Темного Лорда. К сожалению, защита имела непредвиденный побочный эффект. Глубокая ненависть Волан-де-Морта к своему пророческому противнику заразила защиту, которую он невольно активировал. Она действовала как нечто вроде Конфундуса, гипнотического внушения, на тех, кто был магически слабее того, кто запустил защиту. Из-за невероятной силы Волан-де-Морта все, кто не был в кровном родстве с Лили Поттер, в той или иной степени попадали под его влияние. Сам по себе этот побочный эффект был нейтральным. Негативным его сделала Петуния Дурсль. Распространяя злонамеренные слухи и ложь о своем племяннике, она создала магическую предрасположенность принимать негативное мнение о маленьком мальчике на основании самых незначительных доказательств. Таким образом, учителя, соседи и врачи игнорировали очевидные признаки жестокого обращения. Позже это легкое принятие негативной информации повлияет на учеников Хогвартса и все магическое население в школьные годы Гарри. Только те, кто испытывал к мальчику непреодолимые положительные эмоции, могли бы преодолеть эффект Конфундуса. Чем сильнее были эти эмоции, тем слабее были побочные эффекты защиты. Гарри не знал обо всем этом. Он был просто маленьким мальчиком, одиноким в темном парке, и ему было больно. Первым признаком того, что в парке не все в порядке, стало негромкое рычание, доносившееся из-за деревьев небольшого леса, граничившего с парком. Годы общения с различными собаками сестры его дяди заставили Гарри с понятной настороженностью относиться к незнакомым псам. Гарри любил собак, но научился держаться на безопасном расстоянии, пока не поймет, дружелюбны они или нет. Он спустился с качелей и начал медленно отступать от рычащих звуков. Теперь он мог видеть желтые глаза собаки, отражающиеся в свете полной луны. Гарри знал, что если он повернется и побежит, то собака погонится за ним. Поэтому он продолжал отступать так быстро, как только мог. Гарри мог получать плохие оценки, но на уроках естествознания он был внимателен. Собака с такими глазами могла быть больна бешенством или какой-нибудь другой

болезнью. Предполагалось, что в Британии бешенства не существует, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть. Гарри успел пройти несколько метров между собой и линией деревьев, когда существо внезапно вырвалось из зарослей. У Гарри осталось лишь краткое впечатление от клацающих челюстей и рычания, когда он быстро повернулся и помчался изо всех сил. В голове у него была только одна мысль – убежать. Он перепрыгнул через качели, когда зверь поймал его за лодыжку. Боль пронзила мальчика, когда зубы смяли его лодыжку, как бумажный стаканчик. Чудовище закрутило головой, отбрасывая Гарри назад, туда, откуда он пришел. Сквозь боль и панику в мозгу Гарри пронеслась одна мысль. — Мне нужно убежать, СЕЙЧАС! — прошептал он, но его слова затерялись в шуме ветра. Гарри упал на землю в длинную мягкую траву, но почувствовал, что позади него находится какая-то стена. Он инстинктивно свернулся в клубок, чтобы защититься, но нападения не последовало. Спустя мгновение, показавшееся одновременно вечностью, Гарри заставил себя поднять голову. Он был в другом месте. Это был не парк. Это был школьный двор. Как он сюда попал? Куда делся зверь? В этот момент его охватила боль. Казалось, что по его венам течёт жидкий огонь, доставляя боль всему телу. Гарри хотел закричать, но ему было так больно, что он не мог вдохнуть, чтобы сделать это. Потом стало еще хуже. Жидкий огонь уже почти полностью охватил его тело, когда достиг странного шрама в форме молнии на лбу. Распространение огня словно приостановилось на мгновение, и боль ослабла. Шрам на лбу Гарри вспыхнул, словно раскаленная сталь, орошая его лицо кровью. Холодная тьма, заключенная в его глубинах, начала вырываться наружу, сталкиваясь с огненным вихрем. Жгучий холод и адское пламя слились в смертельном танце, превращая шрам в адское логово. Магическое ядро мальчика, ещё не окрепшее, реагировало на эту неожиданную битву. Годами оно служило надёжным щитом, удерживая запертую в шраме тень Темного Лорда. Но теперь на него напал новый враг. Внутри Гарри развернулась трёхсторонняя битва. Родное ядро, запертая тьма и внезапно вспыхнувшая магическая инфекция столкнулись в яростном противостоянии, сотрясая его тело. В итоге, крохотный осколок души Темного Лорда, запертый в шраме, оказался слишком слаб. Родное ядро и огненная сила, вырвавшаяся из шрама, уничтожили его. Но победа была горькой. Холодная тьма, хотя и побежденная, не исчезла бесследно. Огненная сила, сражаясь с ней, также понесла значительные потери. Она ослабла, изменилась, её первозданный огонь стал тусклым. Ослабленная огненная сила и остатки холодной тьмы были поглощены незрелым ядром Гарри. Огонь, сливаясь с элементами ядра, породил нечто невиданное, нечто, что изменит мир. Это произошло 29 октября 1993 года. Ночь перед полнолунием. Римус Люпин, профессор Защиты от Темных искусств, чувствовал приближение трансформации всем своим существом. Внутренний волк, заключенный в его теле, жаждал свободы. Тридцать лет ликантропии сделали боль привычной, но не менее мучительной. Зелье Северуса снимало боль, позволяя контролировать зверя. Люпин патрулировал коридоры Хогвартса, исполняя свои обязанности. Префекты несли вахту до часа ночи, затем профессора – до двух. Призраки следили за школой после ухода профессоров. Прогуливаясь по территории за пределами Хогвартса, Люпин думал о сыне своего друга, Гарри Поттере. Гарри оказался совсем не таким, как он ожидал. Он был ниже ростом, чем Джеймс в его годы, но гораздо мускулистее. У него не было проблем со зрением, как у Поттеров, но волосы и черты лица были отцовские. Лишь глаза, светлые, как лилии, отличали его от отца. В Гарри не было и следа харизмы Джеймса. У него была небольшая группа верных друзей, отделенная от остальной школы. Многие ученики относились к нему странно: с одной стороны, они едва терпели его, а с другой – испытывали к нему уважение, как к Мальчику-Который-Выжил. Гарри был талантлив в практической магии. Его письменные работы были редки и кратки, но с палочкой в руке он творил чудеса. Минерва и Филиус были в восторге от его способностей. Северус, естественно, не мог сказать ничего хорошего о Поттере, а профессора Рун и Магических существ не успели составить о нем мнение. Хагрид, однако, уверял Ремуса, что Гарри будет отличным учеником, судя по тому, как он обращается с его многочисленными "питомцами". Размышления Люпина были прерваны. Мимо пробежала большая чёрная собака – Падфут. Люпин поднял палочку, готовясь призвать

патронуса Дамблдора, но в этот момент испытал сильнейший шок. Из-за угла выскочил огромный оборотень, двигаясь с невероятной скоростью. — Черт возьми! — выдохнул Ремус, вскидывая палочку. — Полнолуние только завтра! Как оборотень мог оказаться на улице? Оборотень, словно услышав его слова, остановился и повернулся к Люпину. Он встал на задние лапы, возвышаясь над профессором. Ремус понял, что это был молодой оборотень, не достигший своего полного роста. В полный рост он был бы даже больше Фенрира Грейбека! Глаза существа были необычными – в них не было желтизны, свидетельствующей о ликантропическом безумии. Вместо этого в них светилась странная зеленая искра. Ремус медленно опустил палочку. Дамблдор не упоминал о том, что принял ещё одного студента, зараженного ликантропией. Как Северус мог допустить это? Массивный оборотень издал странный смешок, в котором слышался юмор и покорность. Ремус вспомнил о Падфуте, который лаял в стороне. Оборотень повторил звук, после чего помчался в том направлении, куда убежала собака. Ремус, ошеломленный, остался один в темноте. Он так и не произнёс ни одного заклинания.

<http://tl.rulate.ru/book/104348/3650117>